

Таверна «Ваньюэ» располагалась на пересечении двух главных улиц Миньчжоу. Здание из синего кирпича под желтой черепицей насчитывало три этажа и могло одновременно принять до двухсот гостей.

На втором этаже имелась площадка, огороженная резными красными перилами, откуда открывался вид на живописную внутреннюю реку и каменный мост. Се Линь со своими спутниками — всего их было четверо — заняли столик прямо у перил.

Возможно, из-за того, что внешность этой компании была слишком примечательной, остальные посетители на площадке один за другим откладывали палочки и принимались наблюдать за ними. В какой-то момент воцарилась такая тишина, что стало слышно, как журчит вода в реке за пределами таверны.

Управляющий таверной услужливо преподнес деревянные таблички с названиями яств и принялся перечислять фирменные блюда заведения. Сюэ Уинь слегка улыбнулся и, посмотрев на Оуян Цзиньсиня, произнес: Цзиньсинь, выбирай ты. Ты ведь сегодня главный гость Се Линь.

Оуян Цзиньсинь задумался, а затем вдруг просиял: Тогда я не буду стесняться.

Просматривая таблички с каллиграфически выведенными названиями блюд, он поинтересовался: Капитан, вы любите угря?

На лице Се Линь отразилось удивление, но он честно ответил: Не люблю.

Цзиньсинь, а еще называешься помощником на судне, — рассмеялся сидевший рядом Тянь Фэн. — Капитан не ест подобные жирные вещи.

Оуян Цзиньсинь кивнул и снова спросил: А как насчет острого? Тоже не любите?

Не люблю. — Се Линь слегка нахмурился; одно слово острый вызвало у него отторжение.

Сюэ Уинь, до этого хранивший молчание, что-то заметил, но не стал вмешиваться. Напротив, с живым интересом достав из рукава складной веер с золотой каймой, он элегантно взмахнул им и принялся наблюдать за развитием событий.

Раз так... я решил! — Оуян Цзиньсинь с хлопком закрыл меню и с самой любезной улыбкой распорядился: Подайте нам угря в остром соусе, свинину в кляре с зеленым перцем, тушеную баранину в горшочке, острого гуся, свиную грудинку в имбирном соке. Короче говоря, чем острее, тем лучше!

Это... это... — старый управляющий, услышав такое, не решился сразу дать согласие. Он украдкой взглянул на Се Линь. Этот холоднолицый господин явно не был тем, с кем таверне

«Ваньюэ» стоило ссориться. В его облике чувствовалось такое благородство и невольное величие, что, вполне возможно, перед ними был кто-то из императорской родни.

Я дам две серебряные слитка, — Оуян Цзиньсинь быстро выставил два пальца, — при условии, что вы подадите всё очень быстро.

Да, конечно, я всё устрою. — Как говорится, человек идет на риск ради богатства. Услышав о щедрой награде, перекрывавшей выручку за десяток обедов, управляющий просиял и поспешил исполнять заказ.

Цзиньсинь! — Тянь Фэн под столом пнул Оуян Цзиньсиня ногой. Этот малец совсем страх потерял, раз решил так подшутить над капитаном!

Я слишком долго просидел в трюме, мне просто хочется согреться с помощью перца. — Оуян Цзиньсинь вовремя отдернул ногу, избежав второго пинка.

Се Линьи не сводил глаз с шаловливого Оуян Цзиньсиня. Да, еще вчера тот был заперт в сырой холодной камерке, пальцы его были такими ледяными... Если бы он опоздал, последствия могли быть ужасными.

От нахлынувшего чувства тревоги он так сильно сжал чайную чашку, что бледно-зеленая жидкость внутри колыхнулась и расплескалась.

Се Линьи, словно пытаясь скрыть свои мысли, опустил глаза и отпил крепкого чая. Горькое послевкусие разлилось до самого кончика языка. Что бы ни делал Оуян Цзиньсинь, он не возражал.

Сюэ Уинь сухо кашлянул, пресекая попытки Тянь Фэна учинить расправу под столом: Если так рассуждать, то перца действительно стоит поесть. На том обрушившемся берегу солнце не показывается круглый год.

Кстати, Лекарь Сюэ, а откуда вы узнали, что пираты скрываются именно там? — любопытство Оуян Цзиньсиня разгорелось не на шутку.

Ну... на самом деле я был так же беспомощен, как и чиновники, — виновато улыбнулся Сюэ Уинь. — К счастью, Се Линьи кое-что обнаружил.

Что именно? — Оуян Цзиньсинь невольно посмотрел на Се Линьи.

Чайки, — ответил Се Линьи, заметив пристальный взгляд собеседника. — Миньчжоу — место, где селятся чайки. Как только появляются чужаки, чайки долго кружат в небе, не решаясь вернуться в гнезда.

Чем безлюднее берег, тем больше там чаек, — добавил Сюэ Уинь. — Поэтому при внимательном наблюдении можно заметить неладное.

О... — Оуян Цзиньсинь озаренно выдохнул. — Чайки выдали местоположение Ли Жуя. Хотя он и пират, но даже не подозревал об этом. Неудивительно, что вы назвали его глупцом.

Это ты ничего не понимаешь! — не выдержал Тянь Фэн. — Ты подумай, какой длины береговая линия Миньчжоу? Сколько скал и обрывов нужно облазить, чтобы осмотреть все бухты? Капитан искал тебя двое суток, не смыкая глаз...

Смысл этих слов был ясен: он выражал глубокое недовольство тем, что Оуян Цзиньсинь продолжает дуться на капитана.

Э-э... — Оуян Цзиньсинь замер. Он никогда не задумывался о том, как именно Се Линьи его нашел. Ему казалось, что для Се Линьи нет ничего невозможного.

Почему у меня возникла такая само собой разумеющаяся мысль? — Оуян Цзиньсинь на мгновение потерял ход мыслей. Вспоминая прошлое, он понял, что каждый раз, когда он попадал в беду, Се Линьи приходил на выручку.

Как и сейчас, когда его окружили бандиты.

Он постоянно его защищал, и Оуян Цзиньсинь привык?

Стоило оказаться перед Се Линьи, как спокойствие покидало его. Что это было за чувство?

Цзиньсинь, что с тобой? Тебе нехорошо? — Сюэ Уинь, заметив, как Оуян Цзиньсинь нахмурился и помрачнел, с удивлением спросил об этом.

Он полагал, что Оуян Цзиньсинь растрогается, узнав, как много хлопот доставил Се Линьи, но теперь казалось, что парень не только не знает светских приличий, но и невероятно тугодумен.

Впрочем, именно это Сюэ Уиня и устраивало — всё находилось под его контролем.

Я в порядке... — Оуян Цзиньсинь посмотрел на Сюэ Уиня, вспомнив ту ночь во время шторма, когда он поцеловал Се Линьи. В глубине души он чувствовал себя ничтожным: Лекарь Сюэ так безупречен, а Се Линьи по-прежнему холоден. К тому же, он, Оуян Цзиньсинь, вечно нарушает его приказы и доводит до белого каления...

Погоди! — Оуян Цзиньсинь внезапно опомнился. — О чем я вообще переживаю? Разве не здорово, что он меня ненавидит? Выставит с корабля — мне же будет спокойнее!

Но действительно ли это так? Чем больше Оуян Цзиньсинь думал об этом, тем сильнее становился раздражен. Его давно пустой желудок отозвался громким урчанием.

Ха-ха-ха! — от этого отчетливого звука Тянь Фэн залился смехом.

Похоже, Цзиньсинь ужасно проголодался, — с ноткой нескрываемой нежности произнес Сюэ Уинь.

Нет! На самом деле... не так уж я и... голоден, — Оуян Цзиньсинь покраснел. Его попытка оправдаться звучала неубедительно, ведь он был уже готов упасть в обморок от голода.

Еда пришла! Осторожнее, горячее! — в этот момент подоспел официант, прикрывающий рот полотенцем.

Апчхи! — не успели поставить блюда, как острый аромат ударил в нос, заставив Оуян Цзиньсиня чихнуть.

Ой! — Тянь Фэн уже зажал нос и отвернулся.

Сюэ Уинь слегка нахмурился, невольно задержав дыхание.

Пять больших тарелок с ярко-красной, лоснящейся от масла острой пищей были расставлены на столе. Через мгновение посетители на хорошо проветриваемой площадке, зажимая носы и рты, поспешили пересечь за столики в глубине заведения. На огромной площадке остался лишь стол Се Линьи.

Молодой господин, как вы и просили, мы добавили все самые ценные специи. Это блюдо «Неразлучники» приправлено привезенным из-за границы перцем, от одного запаха в носу жжет! — управляющий ради тех двух слитков серебра не пожалел сил.

Это... что? — Оуян Цзиньсинь посмотрел на «неразлучников» — жареного гуся, от которого исходил красный горячий пар, и пожалел о содеянном. Зачем он решил сорвать злость на еде? Лучше бы терпел голод. А теперь даже смотреть и нюхать было больно: глаза и нос нещадно щипало.

Он подумал, что Лекарь Сюэ точно не станет это есть, Тянь Фэн, судя по его ужасу и стремлению быть подальше, — тоже. Значит, если только Се Линьи не притронется к еде, можно будет смело потребовать у управляющего заменить заказ.

С этой мыслью Оуян Цзиньсинь, продирая слезящиеся глаза, с притворной бравадой произнес: Капитан, не стесняйтесь, я один всё это не осилю.

Как только он это сказал, атмосфера за столом стала еще более удушающей. Се Линъи, бросив быстрый спокойный взгляд на дымящиеся от остроты блюда, промолчал.

От такого количества острого можно и помереть, — Оуян Цзиньсинь зажал нос, подумав: Но зато сегодня я нашел его слабое место.

И... — Сюэ Уинь, впервые увидев, как Се Линъи оказался в затруднительном положении, улыбнулся, чувствуя живой интерес.

Находясь под прицелом взглядов всех присутствующих, Се Линъи слегка опустил веки. Он встретился взглядом с «неразлучниками», затем взял палочки для еды, немного поднял запястье, и тонкие кончики палочек погрузились в гусятницу. Через секунду кусочек гусиной ножки, блестящий от красного масла, был искусно извлечен.

Гул... — Оуян Цзиньсинь сглотнул слюну. Он не от жадности — просто от одного вида стало першить в горле.

Се Линъи посмотрел на мясо, от которого шел красный пар, тихо вздохнул, открыл рот и под всеобщие вздохи удивления не спеша съел кусок гуся, а затем сделал большой глоток вина.

Обманщик! — воскликнул Оуян Цзиньсинь. — Там же сплошной перец!

Управляющий, вы что, сэкономили на приправах? Эти блюда только на вид острые, а толку никакого! — возмутился он и сам потянулся палочками к гусятине.

Цзиньсинь! — Се Линъи попытался его остановить, но было поздно — Оуян Цзиньсинь уже отправил кусок мяса в рот!

Молодой господин, да как я посмею экономить! Там острое на остром! — старый управляющий тоже был в шоке, поэтому не сразу заметил, что Оуян Цзиньсинь проглотил кусок. Когда же он взглянул на него, то не смог вымолвить ни слова.

Лицо Оуян Цзиньсиня вспыхнуло, словно солнце, на лбу выступил пот, а стоило ему захлопать своими красивыми глазами, как из них градом хлынули слезы!

Цзиньсинь?! — теперь пришла очередь Сюэ Уиня воскликнуть.

Во... воды... где?! — едва проглотив кусок, Оуян Цзиньсинь, запинаясь, выкрикнул вопрос.

Вода... вода во дворе, в большом чане! — управляющий, обливаясь холодным потом, начал заикаться.

Оуян Цзиньсинь, не раздумывая, сорвался с места и бросился в указанном направлении.

В пустом внутреннем дворе таверны, где сушились овощи и соленая рыба, под навесом стоял огромный глиняный чан, накрытый деревянной крышкой от пыли.

Этот кусочек жгучего гуся буквально сжег всё нутро. Желудок, давно не получавший пищи, скрутило от острой боли. Оуян Цзиньсинь в отчаянии отшвырнул крышку, схватил ковш из тыквы-горлянки и начал жадно пить.

Кхе-кхе! — от такой спешки он закашлялся. Наконец, переведя дыхание, он без сил приник к краю чана, чувствуя, что в желудке стало немного легче.

Хочешь вырвать — вырви, — внезапно за спиной раздался низкий бархатный голос Се Линьи.

Кто... кхе... с чего это я должен рвать? — Оуян Цзиньсинь вздрогнул и обернулся. На этом раздражающе красивом лице не было ни следа от ожога перцем.

Я не люблю острое... — Се Линьи заметил его недоумение и прошептал, — но это не значит, что я не могу его есть.

Но не до такой же степени! — Оуян Цзиньсинь указал на свое плачевное состояние. — Управляющий тоже хорош, я просил сделать блюдо жирным и острым, а не пытаться меня прикончить!

Я больше тебе не верю. — Оуян Цзиньсинь чувствовал, что во рту до сих пор пылает огонь, а губы онемели. Он снова потянулся к ковшу.

Иди сюда, дай посмотрю. — Се Линьи внезапно протянул руку, перехватил запястье Оуян Цзиньсиня, державшее ковш, и мягко потянул на себя.

Ты... — Оуян Цзиньсинь подался вперед. Не успел он осознать, что происходит, как его лицо, покрытое капельками воды, оказалось в плену у Се Линьи. Его губы были захвачены.

В голове будто прогремел гром. Легкое, невероятно нежное прикосновение, кончик языка коснулся неба — Оуян Цзиньсинь застыл от шока.

Се Линьи открыл глаза, глядя на него, и отметил, что Оуян Цзиньсиню каждый раз требуется время, чтобы осознать, что его целуют. Это было ему даже на руку. Се Линьи закрыл глаза, углубляя поцелуй. Легкое утешение переросло в страстную и глубокую близость. Он придерживал Оуян Цзиньсиня за голову и плечи, чувствуя, как каждый раз при касании его

мягкого языка тот невольно вздрагивал...

М-м... — очнувшийся Оуян Цзиньсинь попытался оттолкнуть Се Линъи, но преимущество уже было на стороне последнего, да и он сам никогда не был ему ровней.

Вынужденный отвечать на страстный поцелуй, Оуян Цзиньсинь почувствовал, как во дворе вдруг стало необычайно весенне и тепло.

Злость прошла? — Се Линъи, наконец, закончил этот невероятно жаркий поцелуй и, обняв Оуян Цзиньсиня за плечи, с нежностью прильнул губами к его волосам.

<http://bllate.org/book/21151/2144319>